

«СОЦИАЛЬНЫЕ ДОКТРИНЫ» ЭМИЛЯ АННОТЭНА

Н. Застенкер

Имя французского писателя и публициста Эмиля Аннотэна (Emile Hannotin) мы напрасно стали бы искать в трудах и публикациях по истории социализма во Франции. Ни в одном из них — даже в наиболее полных новейших изданиях известной работы П. Луи — оно не упоминается. Такое умалчивание имеет свои основания. В анналах истории общественной мысли Франции Аннотэн занимает более чем скромное место в качестве автора нескольких работ на философско-религиозные темы и демократического журналиста 40-х годов прошлого столетия. Слабый публицистический талант Аннотэна и малая оригинальность его религиозно-этических идей, которые высказывались, одновременно с ним, более яркими и глубокими умами, обрекли его имя на почти полное забвение. Однако это забвение незаслуженное. Оно лишь свидетельствует о том, как всё ещё не достаточно изучена история социалистических идей, как неполны и односторонни наши представ-

ления о различных направлениях во французском социализме 40-х годов XIX в. и о степени их влияния на умы современников. Пример Аннотэна в этом отношении является весьма поучительным.

Излагаемые ниже взгляды Аннотэна содержатся в двух его статьях, обнаруженных нами в газете «Représentant du Peuple», №№ 34 и 35 за 5 и 6 мая 1848 года¹. Они носят общее название — «Социальные доктрины или изложение новой системы организации труда».

Развитые в этих статьях мысли весьма решительно расходились не только с направлением газеты, их напечатавшей и служившей

¹ Издававшаяся Пруденом в 1848 г. газета «Représentant du Peuple» имела рубрику «Journal de tous», в которой печатались дискуссионные статьи, иногда совершенно враждебные прудонистской концепции, как это видно из самого содержания статей Аннотэна. Печатаемая его статьи, редакция «Représentant du Peuple» сопровождала их примечанием, оговаривавшим её несогласие с автором по ряду сторон обсуждаемого вопроса.

¹⁰⁸ РИО. Т. XXXII, стр. 76.

¹⁰⁷ Там же, стр. 170.

органом пропаганды прудонистских идей, но и с большинством других школ во французском социализме 1848 года. Это расхождение наглядно обнаруживается при изучении того проекта организации труда, которому были посвящены статьи Аннотэна и который представлял собой, в сущности, набросок законченного социалистического переустройства общества.

Своему проекту Аннотэн предпослал весьма краткое введение, содержавшее любопытную мотивировку необходимости коренного изменения общественного строя Франции.

Наряду с обычным указанием на отсутствие солидарности и братства между людьми, на эксплуатацию человека человеком и на губительные последствия всеобщей конкуренции, капиталистического общества осуждался Аннотэном как «фальшивое и несправедливое» с религиозной точки зрения. Эксплуатация, подчёркивал Аннотэн, «порождает ненависть между пролетариями и собственниками, а это противно религии. Бог осуждает общественную организацию, которая производит такие бедствия и порождает такую вражду. Да, бог осуждает её, и народ больше не хочет её, ибо народ настойчиво требует организации труда»².

В основу своего проекта общественного устройства Аннотэн клал три принципа, сочетавшие положения различных французских социалистических систем 40-х годов прошлого столетия. Первый из них, гласивший «Общество должно обеспечить всем гражданам образование, должность и пенсию при старости», Аннотэн разъяснял в обычном для тогдашнего социализма духе «права на труд»: «Всем членам великой общественной семьи государство должно доставить работу, чтобы каждый мог жить и пользоваться общественным положением, соответствующим услугам, какие он оказывает своим ближним»³. Второй принцип, применяя к первому, конкретизировал его в направлении, показывавшем связь концепции с сенсимонистской иерархией способностей: Аннотэн провозглашал, что «каждый должен быть определён, в соответствии со своим призванием и своей способностью, на должность производственную, торговую или административную, к которой он лучше всего подходит». Перефразируя сенсимонистскую формулу, Аннотэн говорил: «Каждый должен оплачиваться и вознаграждаться по своим трудам»⁴. Но он проводил резкую грань между своей системой и системой сенсимонистской в следующем, третьем принципе, утверждая в нём «основные права наследования и собственности... естественные законы которых обычно не признавали многие социалисты»⁵.

Отстаивая семью и семейное воспитание детей, он доказывал, что «отец семейства должен свободно располагать своим имуществом, малым или большим, в пользу своих детей или родных». Мы увидим ниже, как выглядели эти права в конкретной расшиф-

ровке Аннотэна и в какой мере можно говорить об оригинальности его идей относительно семьи и собственности. Здесь же отметим лишь, что сам Аннотэн видел в «уважении законов семьи и сохранении наследования» главное отличие своей доктрины от всех других социалистических теорий.

В этих общих положениях ещё не выступает отчётливо своеобразие идей Аннотэна. К тому же он не стремился развернуть теоретическую защиту и обоснование своих «принципов» и ограничивался их беглым перечислением, перенося центр тяжести изложения в плоскость демонстрации их практического применения к проблемам общественного устройства. В ней-то и заключается главный интерес «доктрины» Аннотэна.

С первых же строк изложения мы встречаем у Аннотэна важнейшее положение, выделявшее его из числа многих мелкобуржуазных социалистов, известных своей сантиментально-расплывчатой трактовкой вопроса о социалистическом обществе и роли в нём государства. В отличие от фурьеристов и сенсимонистов, от П. Леру — не говоря уже о Прудоне, — Аннотэн осознал и подчёркивал необходимость сильной государственной власти для осуществления социалистического преобразования общества. «Организация этой системы, — писал он, — требует того, чтобы государство или правящая власть — я понимаю под этим словом правительство, вышедшее из народа, избранное народом, — было облечено большой силой, чтобы оно могло выполнить свою миссию»⁶. Это чёткое положение Аннотэна, к сожалению, больше в его статьях не повторяется, и мы встречаем его лишь один раз. Однако мысль о сильной государственной власти при социализме у нашего автора — не случайная обмолвка. Она служила точкой опоры, на которой покоились его дальнейшие построения.

Эту мысль нельзя свести к тем идеям революционной диктатуры, которые Аннотэн мог позаимствовать у левореспубликанского движения 40-х годов, или же которые были навеяны якобинской традицией или бабувистским влиянием. В отличие от неоякобинцев и бланкистов Аннотэн видел источник той силы, которой должна обладать государственная власть при социализме, не в чрезвычайных полномочиях того или иного «комитета общественного спасения», а в экономической мощи государства, обладающего командными высотами общественного производства. Связь этих двух положений и составляет сердцевину всей его концепции.

Вслед за приведённым выше местом о необходимости облечь государство большой силой для выполнения его миссии, Аннотэн писал: «Так, необходимо, чтобы оно стало владельцем таких орудий труда, как заводы, земля и леса, с тем чтобы оно стало регулятором производства, распределителем потребления, и чтобы оно предоставило каждому должность, иначе говоря, каждому обеспеченное и удовлетворительное вознаграждение». И действительно, «Социальные доктрина-

² «Représentant du Peuple» № 34, 5 mai 1848.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ «Représentant du Peuple» № 34.

ны» Аннотэна содержали последовательное обобществление промышленности, сельского хозяйства и торговли, утверждение государственной собственности на все средства производства и распределения.

В этом отношении его проект серьёзно отличался от других схем «государственного социализма» 40-х годов во Франции. Возьмём, например, известнейшую систему Луи Блана. Вопреки многочисленным попыткам современников изобразить проекты Луи Блана как систему «государственного коммунизма», она не была, строго говоря, основана на подлинном обобществлении средств производства. Луи Блан намечал выпуск государством и национализацию железных дорог, шахт и рудников, Французского банка и страховых компаний. Другие же предприятия всех отраслей промышленности должны были, по его проектам, выкупаться у их собственников рабочими ассоциациями с помощью государства. Эти предприятия превращались в собственность ассоциаций.

Таким образом, система Луи Блана исходила из более или менее длительного сосуществования государственных предприятий, предприятий, принадлежащих ассоциациям, и частнокапиталистических предприятий. Даже при завершении процесса ликвидации частной собственности на средства производства, когда установится всеобъемлющая экономическая связь между ассоциациями, превращающая их в звенья единого народнохозяйственного организма, система Луи Блана сохраняла принадлежность предприятий не государству, а ассоциациям. Вот почему, подчёркивая разницу между идеями Сен-Симона и своими, Луи Блан противопоставлял «собственнику-государству» «собственника-общество»⁷.

В духе этих идей Луи Блана были составлены и известные проекты люксембургской комиссии 1848 года.

В отличие от этих схем Луи Блана проект Аннотэна содержал действительно последовательную национализацию, огосударствление всех средств производства и распределения. Его мысли по данному вопросу отталкивались от опыта государственной (казённой) промышленности, существовавшей во Франции 40-х годов в отдельных отраслях, объявленных государственной монополией. Опираясь на этот опыт, Аннотэн стремился представить свою систему как дальнейшее развитие и завершение статистического принципа, давно проверенного на практике и не внушающего сомнений в своей практической осуществимости.

Ещё большую убедительность приобретало в его глазах то обстоятельство, что его система не покушалась на частную собственность на предметы личного потребления. Аннотэн старательно отмежевывался от проектов сенсимонистов и фурьеристов, ошибочно квалифицируя их как коммунистические. Повидимому, он учитывал отрицательное впечатление, которое производили на мелкобуржуазную, собственническую Францию идеи обобществления быта. Свои проекты

национализации Аннотэн излагал в следующем виде:

«Государство будет держать в своих руках все орудия труда; с другой стороны, частные лица будут владеть своим движимым имуществом, своими домами, деньгами, государственными облигациями и т. д., — словом, всем, что не является орудием труда. Таким образом, при этой системе личные права гарантируются и принцип собственности сохраняется. При этом новом общественном строе республика ткала бы хлопчатую бумагу и изготовляла бы железо таким же образом, каким она изготовляет ныне табачные изделия; она имела бы сельскохозяйственных и промышленных администраторов, мастеров и рабочих, которых она оплачивала бы так, как оплачивает сегодня администраторов, мастеров и рабочих, занятых, например, на пороховых заводах. Так что мы предлагаем попросту развернуть в большом масштабе то, что уже сейчас практикуется в малом»⁸.

Стараясь подчеркнуть гармоничное сочетание государственного и личного начала в своих проектах и отсутствие в них «крайностей» коммунизма, Аннотэн разъяснял: «При этом новом порядке частные лица могли бы приобретать, накапливать, продавать и покупать жилые дома, сады, государственные ценные бумаги и частные обязательства». Однако он считал всё же необходимым ввести в процесс частнособственнического накопления известные ограничения, предлагая установить «законы, которые помешали бы имуществам частных лиц превышать слишком большую сумму»⁹.

На существующий опыт Аннотэн ссылался и тогда, когда он отстаивал и последовательно проводил в своём проекте идею государственной торговли продуктами, произведёнными на принадлежащих государству предприятиях: «Руководители этих предприятий будут отчитываться и будут сдавать свою продукцию, которая поступит в продажу так же, как, например, порох и табак в учреждения с этой целью котлоу и магазины. Как можно кричать об утопии, когда известно, что всё это уже наполовину осуществлено»¹⁰.

Вместе с национализацией всех средств производства произойдёт превращение занятых в промышленности, торговле и сельском хозяйстве лиц в государственных служащих, в «чиновников» (*fonctionnaires*), как выражается Аннотэн. Руководители промышленных и сельскохозяйственных предприятий будут выбираться из числа наиболее способных. Аннотэн не вдаётся в подробности относительно порядка этих выборов и способностей управления предприятиями. Из разбросанных в его статьях отдельных замечаний следовало, однако, что обобществлённые предприятия будут находиться в распоряжении городских и сельских общин, которые будут выбирать руководителей предприятий и нести расходы по их оплате. Таким образом, Аннотэн в своём проекте мирил государственное

⁷ См. Луи Блан «Организация труда», русский перевод. Л. 1926.

⁸ «Représentant du Peuple» № 34.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibidem.

начало с коммунальным и, не поднимаясь до идей централизованного управления экономикой, уклонялся в сторону экономического федерализма, что влекло за собой, как мы увидим ниже, и политический федерализм его проекта.

Нетрудно видеть, что автор «Социальных доктрин» механически распространял на сельское хозяйство принцип государственной собственности на средства производства. Предлагая национализацию земли и лесов, Аннотэн не ограничивался этим и вводил в сельском хозяйстве ту же законченную систему огосударствления всех средств производства, что и в промышленности. Он не понимал специфических особенностей крестьянской экономики, не предвидел особых путей её перехода на рельсы крупного общественного хозяйства, как не учитывал и мелко-собственнической психологии и навыков, укоренившихся в многомиллионном французском мелком крестьянстве. Вот почему в его проекте нет ни малейшего отличия в организации производства и труда между промышленностью и сельским хозяйством. В этом отношении его идеи во многом стояли ниже тех зрелых соображений, которые уже высказывались многими французскими социалистами 40-х годов относительно путей социалистического переустройства сельского хозяйства и особой роли, которую призван играть в этом трудном деле принцип ассоциации.

Игнорируя трудности, Аннотэн упрощал проблему и давал ей утопическое решение. Он рисовал следующую картину: «Каждое селение образовало бы большую и обширную ферму, которая обрабатывалась бы управляющим и рабочими-подёнщиками, организованными по типу администрации дорог и мостов с её дорожными сторожами, десятниками и инженерами. Так как крупное хозяйство лучше, производительнее и экономичнее, чем хозяйство раздробленное, так как каждая община была бы крупным капиталистом и обладала бы денежными сбережениями, то она имела бы хороших коней, хорошие плуги, обширные, должным образом размещённые и находящиеся в хорошем состоянии постройки. Следовательно, она собирала бы больше продуктов, чем получается сегодня... Этот последний момент является главным и основным»¹¹.

Довод о преимуществе крупного, общественного производства над мелким, индивидуальным Аннотэн считал решающим аргументом в пользу его проекта. Он подчёркивал все огромные возможности социалистической системы крупного хозяйства и писал: «Да, производство увеличится, ибо при общественной организации у нас будут крупные фермы, громадные мануфактуры, позволяющие нам сократить время (производства) и осуществить такие экономии, каких не смогли бы добиться в условиях современного общества. Это мнение, впрочем, совпадает со взглядом наиболее выдающихся агрономов, которые жалуются на то, что дробление земельной собственности противоречит хорошей культуре земледелия»¹².

Впрочем, эти соображения не были оригинальны. Они выдвигались многими социалистами того времени и уже в 40-х годах XIX в. прочно вошли в инвентарь социалистической пропаганды. Аннотэн подчёркивал, что его система предотвращает кризисы и вызываемые ими бедствия, что она «вручает орудия труда в руки людей, более всего способных их использовать», что благодаря крупному производству и проистекающей из него экономии общественное богатство и продукция получают неслыханное развитие. Однако Аннотэн не довольствовался такими доводами. Он выдвигал новые, переносившие спор с противниками социализма в более убедительную, как ему казалось, практическую плоскость.

Аннотэн предвидел два основных возражения, пускаемые в ход против всякой социалистической системы. Первое из них: при социализме личность будто бы будет пользоваться меньшей независимостью, чем в условиях капиталистического общества. Разбирая этот довод, Аннотэн отвечал апологетам буржуазного общества: «Вы говорите о независимости, но зависят все — сын от отца и матери, жена от мужа, купец от своих покупателей; что же касается людей наёмного труда, образующих большинство, то они не только поработаны трудом, но этот самый труд им не обеспечен... К чему обращаетесь вы с разговорами о независимости к рабочим, страдающим от нищеты; не является ли их первой потребностью жить?»¹³.

Однако, хотя Аннотэн и вскрывал лицемерие, скрывающееся за утверждениями о «независимости» людей в условиях буржуазного общества, он не поднимался всё же над общим уровнем мелкобуржуазного представления о социалистическом обществе. Он не увидел в последнем гигантского шага вперёд по пути раскрепощения человеческой личности, создания необходимых условий для утверждения подлинной независимости людей, и ограничивался лишь тем, что противопоставлял фальшивой «независимости» людей капиталистического общества более счастливые условия их жизни при социализме, когда люди «будут жить в ассоциации, что даёт большое душевное удовлетворение», когда «их судьба была бы обеспечена и они не боялись бы более ни нищеты, ни банкротства, ни тех возможных бедствий, которые угрожают ныне всем трудящимся, большим и малым».

Аннотэн чувствовал неполноценность своего ответа; не будучи в силах найти решающий довод, он готов был идти на уступки ходячим буржуазным предрассудкам в данном вопросе, придумывая «правила, которые бы оградили интересы личности при новом общественном порядке». Так, например, правило, при котором за офицерами армии, смещаемыми с должности, сохранялся половинный оклад жалованья, он распространял в будущем устройстве на руководителей предприятий, мастерских, ферм при социализме. При смещении с должности они сохраняют по-

¹¹ «Représentant du Peuple» № 34.

¹² Ibidem.

¹³ «Représentant du Peuple» № 35, 6 mai 1848.

ловинный оклад жалованья, если только это смещение не будет следствием преступлений, караемых судом. «Таким образом, человек будет всегда прогрессировать, он будет повышаться в чинах и никогда не опускаться, если только он не допустит тяжких ошибок, за которые будет подлежать позорящему наказанию»¹⁴.

Значительно больший интерес представляют мысли, высказанные Аннотэном при разборе второго возражения против социализма — того взгляда, что при уничтожении частной собственности человек будет менее расположен к труду, ибо уничтожится его главный стимул. Опровергая это распространённое в тогдашних спорах о социализме возражение, Аннотэн высказал мысли, отмеченные организаторским чутьём и предвидением. Он называл «мнимым затруднением» буржуазный предрассудок насчёт того, что единственным стимулом к труду является частная собственность, и опровергал его показом, как может быть создана новая, более прогрессивная организация труда, опирающаяся на социалистическое соревнование.

Идею соревнования Аннотэн, бесспорно, заимствовал от Фурье и не только не скрывал этого, но признавал, что последний «высказал в известных случаях ряд верных идей, особенно в том, что касается группового соревнования»¹⁵.

Подтверждением правильности этих идей Фурье служит, по Аннотэну, опыт конкурсов, устраиваемых различными сельскохозяйственными обществами в ряде департаментов Франции. Ссылаясь на высказывания Фурье и на этот опыт, Аннотэн указал ряд способов организации соревнования между трудящимися, занятыми работой в социалистических государственных предприятиях.

Как предлагал Аннотэн осуществить при новом общественном строе соревнование, видно из следующих примеров. В земледелии, в зерновом хозяйстве он намечал, например, создание ферм, занимающих одинаковую по размерам площадь — в 2—3 кв. ль.¹⁶ «К тому же, если сделать все фермы одного округа, по возможности, равными между собой по размеру и качеству, или, скорее, по производственной мощности (*en valeur productive*) — что легко достигнуть, придав большие размеры ферме с низким качеством земли и меньшие размеры той, у которой качество земли выше, — то породится соперничество между всеми фермами, что будет новым стимулом и новым средством роста продукции. Надо было бы даже ввести соперничество одного округа с другим округом и, наконец, всех округов между собой. Эта новая конкуренция, надо понять, будет обладать совсем иной мощью в качестве двигателя соревнования, чем нынешняя слепая и беспорядочная конкуренция»¹⁶.

В своих набросках организации соревнования Аннотэн не забывал указывать на необ-

ходимость поощрения его участников, добившихся выдающихся результатов, и предлагал «после жатвы вознаграждать тех, кто добился наилучших успехов. Отсюда возникло бы растущее соревнование».

Ещё определённое выступают мысли Аннотэна, когда он переходит к организации труда внутри фермы. Например: «Обширные участки общинной земли, предназначенной под огороды, разделили бы на три равные части, каждую из которых поручили бы руководителю группы рабочих. Для посадки, копки и прополки овощей посылались бы всегда в одно и то же время три равные группы по шесть, девять или двенадцать человек. В часы работы рабочих воодушевляло бы естественное соперничество, что ускорило бы работу; кроме того так как той группе, чья продукция была бы наибольшей и наилучшей, присуждалась бы в конце года премия, то каждый был бы заинтересован в том, чтобы выполнить работы быстро и хорошо. И это — не всё: число общинных ферм в округе составляет, допустим, сто; их разделили бы на четыре группы, по двадцати пяти в каждой. Мы увидим сейчас, каким образом будет произведено это распределение, а сперва скажем, что в двадцати пяти фермах первой группы оклады директоров и десятников будут более высокими, чем в фермах второй группы, и будут понижаться дальше в третьей и четвёртой группах. Точно так же если подённая плата рабочих первой группы разна 3 фр. 50 сант., то во второй группе она составит 3 фр. 25 сант., в третьей — 3 фр. и в четвёртой — 2 фр. 75 сант. И вот к концу каждого года генеральный совет департамента распределит общинные фермы по группам, пропорционально тому, сколько они дали продуктов, а так как их всех стремились поставить в равные условия, давая меньшую площадь тем, у кого земля плодородная, и большую тем, у кого земля посредственная, то из этого следует, что рабочие, десятники и директора будут весьма заинтересованы в том, чтобы их предприятие попало в одну из первых групп, иначе говоря, в том, чтобы доставить больше хороших продуктов в зерне, овощах, скоте, жирах и т. д. Можно умножить, таким образом, дружинным соперничеством и так возбуждать честолюбие, чтобы добиваться от трудящихся великодушных результатов. Ясно, что эта гармоничная конкуренция утроила бы активность людей, а следовательно, и богатство, так что всякая нищета исчезла бы из этого мира»¹⁷.

Приведённый отрывок даёт достаточно представление о ходе мыслей Аннотэна по вопросам соревнования и иллюстрирует его подход к проблемам социалистического производства и организации труда в нём.

Над его мыслями довлеет представление о производстве, свойственное сельскому хозяйству, ещё основывающемуся на ручном труде. Нетрудно заметить, что и в отношении промышленности ещё не выходят за рамки мануфактурного периода. Отсюда бросающаяся в глаза ограниченность

¹⁴ «Représentant du Peuple» № 35, 6 mai 1848.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

кругозора, узость горизонта в подходе Аннотэна к проблемам социалистического производства — обстоятельство, лишний раз подчёркивающее мелкобуржуазный характер его утопических проектов.

Соревнование, подобное описанному выше, должно было, подчёркивал Аннотэн, охватить собой не только сельское хозяйство, но и промышленность. Более того: именно с промышленности оно должно было начаться и уже потом распространиться на сельское хозяйство. Выдвигая промышленность на первое место, Аннотэн не исходит из признания ведущей роли промышленности в современном народном хозяйстве и в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства. Дело обстоит проще: Аннотэн видит в промышленности то поле, на котором проявляется наиболее опустошительное воздействие капиталистической конкуренции, и поэтому спешит начать отсюда социалистическое переустройство: «Если бы республика преисполнилась твёрдой решимости организовать труд, ей следовало бы раньше всего заняться промышленностью: именно здесь конкуренция производит наибольшие опустошения. Очередь земледелия наступит позже. Республика могла бы, например, овладеть суконным производством и организовать разные мастерские какой-либо фабрики в Эльбефе таким образом, чтобы они соперничали между собой. Так же как с фермами, мануфактуры заставили бы соперничать между собой и давали бы им премию, как это было объяснено выше. При посредстве этих двух пружин соревнования и при исчезновении всякой возможности убытков, поскольку не было бы больше колебаний подъёма и упадка, которые делают торговлю ныне игрой случая и часто разоряют её, вскоре же получились бы отсюда значительные прибыли. Данный успех побуждал бы правительство на овладение железодельной промышленностью, хлопчатобумажной промышленностью и т. д. В конце концов место конкуренции заступила бы мало-помалу ассоциация»¹⁸.

Последняя фраза содержит указание на то, как наш автор представлял себе процесс национализации. Здесь мы имеем дело с типичным утопистом, не отличающимся от многочисленных других представителей французского социализма 40-х годов в главном и решающем вопросе. Подобно им Аннотэн обходит классовые противоречия капиталистического общества; как типичный утопист, он не понимает роли пролетариата в уничтожении капиталистической системы и создании социалистического строя. Единственное новшество, какое мы встречаем у него, — принудительный характер постепенного выкупа предприятий и земель у их нынешних собственников государством, как поступает буржуазное государство в известных случаях общественной необходимости. Тогда, писал Аннотэн, «когда наступит момент действовать, достаточно будет экспроприировать граждан, которые отказались бы уступить

свою собственность за разумную цену, совершенно так же, как это делают при прокладке дорог и каналов». Так разделяется наш утопист с проблемой преодоления сопротивления буржуазии и крупных земельных собственников, считая, что «это — одна из тех незначительных трудностей, которые не должны останавливать серьёзных людей»¹⁹.

Эти мысли Аннотэна проливают дополнительный свет на его идеи о государстве социалистического общества. Выше мы подчёркивали выдающийся интерес, какой представляет его главная мысль о необходимости сильной государственной власти для осуществления социализма. Совершенно ясно, однако, что эта сильная власть у Аннотэна не носит характера классовой власти или революционной диктатуры трудящихся масс, а тем более диктатуры пролетариата. Он трактует её как общенародную власть в форме демократической республики; коммунальные власти избираются жителями общин, власти департамента избираются населением департамента, а руководители и министры всей Франции избираются населением всей страны. Полномочия каждого органа власти охватывают наиболее важные и крупные интересы граждан данной территории. Аннотэн не даёт дальнейших пояснений своей схеме государственного устройства и лишь оговаривает, что предлагаемое им государственное устройство есть «система федерализма, схожая с той, которая царит в Соединённых Штатах», и что он согласен с Руссо и Монтескье о невозможности существования большой, централизованной республики²⁰.

Таким образом, идея сильной государственной власти для осуществления социализма не получила у Аннотэна последовательного развития и применения. Она осталась зародышем мысли, не нашедшей ещё опоры в научной теории исторического процесса. Без последней же, равно как и без правильного понимания капиталистической системы, её классовых противоречий и роли рабочего класса в её уничтожении, невозможно было постигнуть истинное значение и место государственной власти в решении проблемы социализма, а следовательно, невозможно было воплотить эту мысль в адекватное представление о формах государственной власти при социализме.

Как ни выделялись идеи Аннотэна на общем фоне мелкобуржуазной социалистической мысли тогдашней Франции, они не были ни одиночками, ни вполне оригинальными. Как нам представляется, его идеи позволяют полнее и всестороннее изучить влияние, круг сторонников и развитие различных направлений во французском социализме 40-х годов.

Идеи Аннотэна заставляют нас вспомнить прежде всего о Пекёре. Сличение взглядов последнего со взглядами Аннотэна свидетельствует о том, что «Социальные доктрины» во многом весьма родственны системе Пекёра. Конечно, ряд мыслей Аннотэна мы найдём порознь у различных социалистиче-

¹⁸ «Représentant du Peuple» № 35, 6 mai 1848.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

ских школ: у Луи Блана — о необходимости сильной государственной власти для осуществления социалистических преобразований, у сенсимонистов — о превращении членов общества в его слуг, в общественных служащих и т. д.

Но только у Пекёра мы найдём в единой системе основные начала, характеризующие проекты автора «Социальных доктрин»: национализацию всех средств производства и торговли, существование сильной государственной власти, сосредоточивающей в своих руках управление хозяйством страны, превращение всей массы трудящихся в государственных служащих — «чиновников». У Пекёра же мы найдём и религиозно-моральную санкцию общественному строю коллективистского социализма, как единственно отвечающему требованиям «морального закона», предписывающего единство, братство и равенство между людьми.

Однако — и это составляет особый интерес «Социальных доктрин» — было бы неправильно говорить о простом заимствовании их автором его идей у Пекёра. В целом ряде вопросов, и притом весьма важных и коренных, Аннотэн не только воспроизводил взгляды, аналогичные взгляды Пекёра, но и высказывал отличные и прямо противоположные идеи или же развивал их самостоятельно.

Это относится прежде всего к управлению национализированными средствами производства, к подбору и вознаграждению их руководителей и к тому месту, которое должно занять в новой системе организации труда социалистическое соревнование и его поощрение.

По всем этим вопросам идеи «Социальных доктрин» Аннотэна отличались от тех, которые высказывал Пекёр в своих сочинениях в 40-х годах XIX века. При этом изменения, вносимые Аннотэном в систему Пекёра, шли в одном, определённом направлении: смягчение централизаторских начал системы Пекёра и устранение её сурового и прямолинейного эгалитаризма в вопросах вознаграждения труда.

Так, в то время как Пекёр доказывал необходимость подчинить социализированные предприятия единому, централизованному руководству, сверху вниз, до отдельного предприятия, проект Аннотэна передавал управление промышленными и сельскохозяйственными предприятиями коммуна. У Пекёра коммуны, управляя промышленностью и сельским хозяйством на своей территории, подчинены вышестоящим органам власти и плановое начало исходит от центральной государственной власти. У Аннотэна эта сторона вопроса обходится молчанием; он подчёркивает оперативную самостоятельность коммун и департаментов и становится, как отмечалось выше, на путь федерализма, отрицая возможность государственной централизации у современных больших наций.

Ещё рельефнее отличия выступают при сравнении взглядов Пекёра и Аннотэна на подбор и вознаграждение «чиновников» и на соревнование. Аннотэн отбрасывал выдвигавшуюся Пекёром сложную систему заме-

щения должностей путём экзаменов, определяющих деловые качества и квалификацию кандидатов, и последующих народных выборов на руководящие должности тех, кто, выдержав квалификационные испытания, удовлетворяет гражданским и моральным качествам руководителя. Он оставляет выборное начало для руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий и передаёт право выборов коллективам работников предприятий или коммуна, лишая вышестоящие органы власти неограниченного права смещения и перемещения должностных лиц, права, которое отстаивал и подчёркивал Пекёр²¹. Вместо этого Аннотэн выдвигал проекты, которые должны были обеспечить, в сущности, пожизненное занятие должностей руководителями предприятий и всячески оградить их интересы при смещении волею избирателей с занимаемых постов, вплоть до сохранения за ними половинного оклада жалованья.

Наконец, важнейшее отличие обеих систем относится к их представлениям о соревновании и его роли в социалистическом обществе и к связанному с этим вопросу о принципах оплаты труда. Как известно, Пекёр отстаивал в принципе систему полного равенства вознаграждения за труд в условиях социалистического общества, независимо от характера работы и личных способностей работника. Правда, предвидя отрицательные стороны и неудобства этой системы, Пекёр вносил в неё поправки и ограничения, предусматривая вычеты из заработной платы у недобросовестно работающих и перевод на другую работу тех, кто неспособен справиться с выполняемой. Пекёр допускал и поощрительное вознаграждение за труд, но только в отдельных случаях, при необходимости привлечь на работу, которая испытывает недостаток желающих²², для вознаграждения особо высокого качества продукции и, наконец, при оплате «эгоистически настроенного» таланта²³. В конце концов его мысли по данному вопросу отделились в формулировку: «Равенство заработных плат за одну и ту же должность, равенство вознаграждения за одинаково хорошо выполняемую работу».

Для того чтобы понять источник сдержанности и внутреннего сопротивления, которое обнаруживал Пекёр в отношении поощрительного вознаграждения за труд, надо иметь в виду не только его сомнения в справедливости, в моральности подобного неравенства вознаграждения, но и боязнь нарушения плановых пропорций в производстве и распределении, боязнь перепроизводства, с одной стороны, и неудовлетворения возросшего отсюда спроса на предметы потребления — с другой. Вот почему Пекёр вводил в свои проекты не только штрафы за нерациональную работу, но и максимум вознаграждения и ограничение размеров производства. «Человек не имеет права работать так, как он

²¹ См. Pécqueur «Théorie nouvelle d'économie sociale», p. 719. Paris. 1842.

²² Pécqueur C. Op. cit., p. 734—735.

²³ Ibidem, p. 734.

способен»,—говорил Пекёр. С этими соображениями тесно связаны и мысли Пекёра о соревновании. Соревнование в условиях капиталистической системы, когда оно не основано на труде и не находится в пропорции с затраченным трудом, порочно. Другое дело—соревнование при социализме, когда не будет существовать вознаграждение без труда и когда равный труд будет равно вознаграждаться. Тогда соревнование оправданно и займёт своё место в числе стимулов общественного прогресса²⁴.

Допуская этот фактор, Пекёр продолжал, однако, относиться к соревнованию с нескрываемым предубеждением, как к фактору, скорее дезорганизующему и деморализующему, чем положительному. «При всём том соревнование является двигателем низшего порядка, который дезорганизует более, чем гармонизирует, который почти всегда вырождается в ревнивое и ненавистное соперничество. Соревнование может пребывать в своих должных границах лишь в тех сердцах, которые охвачены и преисполнены религиозных чувств».

Исходя из этого, Пекёр отказывался от материального поощрения соревнования и его результатов и ограничивал его лишь моральными стимулами—возможностью продвижения по должности, удовлетворением тщеславия, приобретением славы, наконец, сознанием хорошо исполненного религиозно-морального долга перед обществом.

Мы видим теперь, насколько более зрелой и содержательной является постановка данного вопроса в «Социальных доктринах» Аннотена. Последний правильно видел всю неосновательность опасений переизводства в условиях социалистического общества и всю необходимость стимулировать рост общественного производства для покрытия постоянно растущих потребностей общества, для создания изобилия и богатства в жизни его членов. Совершенно иначе, чем Пекёр, подходя к этому вопросу, Аннотен отбросил всякие сомнения в законности и целесообразности вознаграждения труда по его результатам и отвёл социалистическому соревнованию место важнейшего фактора развития и расцвета социалистического хозяйства. Отсюда понятно то внимание, которое, в отличие от Пекёра, уделил изысканию средств и способов стимулирования соревнования автор «Социальных доктрин». Эти новые идеи, внесённые Аннотенем в систему коллективистского социализма, обогащали её ценными дополнениями и устраняли многие черты утопического морализирующего ригоризма, присущие его концепции в том виде, в каком её разработал перед революцией 1848 года её основоположник.

Не останавливаясь на всех остальных чертах сходства и различия между взглядами Аннотена и Пекёра, отметим ещё лишь два момента, в которых они расходятся между собой. В то время как Пекёр, сохраняя в своих проектах общественного устройства частную собственность на предметы потребления и возможность личного накопления,

весьма ограничивает их запрещением всякого кредита, приносящего проценты, Аннотен расширяет рамки личного накопления, вплоть до владения ценными бумагами, приносящими доход, и сохраняет право наследования в неограниченном виде. Другое расхождение касается вопросов семьи и воспитания детей. Пекёр отстаивал тот взгляд, что дети должны воспитываться в семье только в младшем возрасте, в период раннего детства, после чего их воспитание и обучение переходят к государству, которое получает право подготовки их к будущей работе по различным производственным специальностям²⁵.

Аннотен решительно возражал против подобного вторжения государства в священную область родительских прав и отстаивал неограниченное право последних на воспитание и обучение своих детей по собственному усмотрению.

Мы видим, что вносимые Аннотенем поправки шли по той же линии смягчения, сглаживания крайностей коллективистской системы Пекёра, её большего приспособления к условиям реальной действительности. В проектах и выкладках Аннотена чувствовался сильный ум не столько теоретика, сколько организатора, ищущего путей практического осуществления своей системы, ум, охваченный утопическими надеждами и иллюзиями февральского периода революции 1848 г., когда взору утопического социалиста открывались перспективы близкого торжества социализма во Франции.

Сам Аннотен ни словом не упоминал о Пекёре и его произведениях, и наше предположение о влиянии на него Пекёра основывается лишь на сравнении его идей с идеями Пекёра. Помимо совпадения основных идей мы не нашли каких-либо прямых доказательств или фактов, способных подтвердить наше предположение. Можно всё же привести одно косвенное доказательство в его пользу, если обратиться к биографии Аннотена. Скучные сведения, собранные нами об этом малоизвестном социалисте, рисуют жизненный путь и идейное развитие, во многом схожее с тем, которое проделал Пекёр, и обнаруживают ту общую почву, на которой могла произойти их идейная, а возможно, и личная встреча.

Аннотен родился в 1812 г. в Бар-ле-Дюке и подвизался в качестве журналиста и публициста в своём родном департаменте. При Июльской монархии он редактировал газету «Journal de la Meuse» и вёл в ней борьбу за избирательную реформу, примыкая к лагерю демократической оппозиции и отстаивая лозунг всеобщего избирательного права²⁶. Но не только это представляло почву для возможного его сближения с Пекёром, явившимся, как известно, заметной фигурой демократической журналистики

²⁴ См. *ibidem*, p. 782.

²⁵ *Ibidem*, pp. 284, 728.

²⁶ См. «La Grande Encyclopédie». Vol. XIX, p. 822, а также «La Révolution de 1848». T. XVII (1920—1921), статью Roger Levy-Guenot «Ledru-Rollin et la campagne des banquets».

²⁴ Pecqueur C. Op. cit, p. 617.

²⁵ *Ibidem*.

30—40-х годов. Сперва в своей газете, а затем в отдельных книгах Аннотэн выступал с произведениями религиозно-философского характера, содержание которых во многом совпадало с религиозно-философским мировоззрением Пекёра. И тот и другой занимали место в рядах идейного движения, которое, критикуя католическую религиозную догму и католическую церковь, проповедовало рационалистическую теологию и мораль и делало из них радикальные политические и социальные выводы.

Аннотэн приветствовал страстные выступления Ламэнне против Июльской монархии и её социального строя. В своём сочинении «Религиозная и философская доктрина, основанная на свидетельстве сознания» он писал: «Насколько мы отдаляемся от г-на Ламэнне в религии, настолько же мы приближаемся к нему в политике. Да, когда автор «Слов верующего» борется с противниками прогресса и свободы, мы от всего сердца симпатизируем ему и аплодируем его благородным усилиям»²⁹.

Эта солидаризация не мешала, однако, Аннотэну подчёркивать своё несогласие с Ламэнне, отбрасывавшим идею божьего возмездия за грехи людей, идею религиозного долга и вытекающего из него морального закона поведения людей, в то время как именно эти принципы утверждались Аннотэном в качестве фундамента веры, общественной морали и социального строя.

Свои собственные религиозно-этические построения Аннотэн расценивал как поиски рациональной религии, долженствующей стать «религией демократии»³⁰. Он доказывал, что такая религия, будучи свободной от ретроградных и суеверных идей, внушаемых верующим католической церковью, и избавляя всё более просвещающийся народ от «веры в абсурд», совершенно необходима в качестве единственно прочного основания морали и политики. Так же, как Пекёр, Аннотэн подчёркивал пагубные последствия атеизма и доказывал, что «без религии нет и морали» и что «политику надо отнести к морали, ибо она трактует об обязанностях правительств и правах управляемых» и, следовательно, относится к области религии³¹.

Задача политики, утверждал Аннотэн, — осуществить моральный закон, получающий свою санкцию в религии и требующий справедливости во взаимоотношениях между людьми, так как «Бог хочет, чтобы мы были справедливыми» и «истинная, добрая политика должна воплотить справедливость между гражданами»³². Развивая последовательно эту мысль, Аннотэн отвергал, как кощунственное, предположение, что бог может равнодушно относиться к существованию в обществе «класса бедняков, которые угнетены, эксплуатируются и звергнуты

в нищету несправедливыми законами»³³. Он объявлял всякое безразличие к их судьбе смертным грехом, нарушением божьей воли, требующей борьбы с царящей в капиталистическом обществе несправедливостью. «Горе тем, кто мешает установлению справедливости на земле!» — провозглашает Аннотэн. «И, наоборот, слава тем, кто борется за свободу и священные права рода человеческого!.. Бог правды сражается за них и даст им победу»³⁴. Но сенсимонистскую идею о том, что улучшение положения бедных и эксплуатируемых классов есть требование религии и морали, развивал в этом направлении и Пекёр. В то же время Пекёр был последовательным глашатаем рациональной религии и вытекающей из неё обязательной социальной морали. Именно он делал отсюда выводы, вылившиеся в систему, которую Изамбер верно охарактеризовал как «коллективизм на моральной основе»³⁵.

Аннотэн в своих сочинениях того периода не шёл дальше вывода о необходимости положить конец несправедливости, угнетению, эксплуатации трудящихся масс и их нищете и осуществить требования морального закона в общественном строе и взаимоотношениях людей. Но эти выводы вплотную подвели его, как нам кажется, к принятию социальных идей, построенных на предпосылках, вполне однородных с теми, которые содержались в религиозно-философских сочинениях Аннотэна, но значительно глубже, полнее и содержательнее разработанных в большой работе Пекёра «Новая теория социальной экономики».

Так же как и Пекёр, Аннотэн не принадлежал к числу революционных борцов против Июльской монархии и примыкал к демократической оппозиции, рассчитывавшей достичь социальных реформ мирными средствами, в первую очередь завоеванием всеобщего избирательного права. Он был, очевидно, близок к газете «La Réforme», являвшейся, как известно, органом республиканской оппозиции, объединявшим мелкобуржуазных демократов и мелкобуржуазных социалистов, в числе которых находился и Пекёр.

На эту близость Аннотэна к лагерю «La Réforme» и на его политические идеи к концу Июльской монархии проливает свет корреспонденция о банкете в Бар-ле-Дюке, помещённая в «La Réforme» 21 сентября 1847 года. В этой корреспонденции приведена одна непронизнённая речь Аннотэна. Аннотэн был делегирован на этот «реформистский» банкет группой демократов Бар-ле-Дюка и должен был произнести там тост: «За улучшение участи трудящихся классов!» Его тост не был допущен организаторами банкета, не желавшими, как выразилась «La Réforme», «нарушать конституционную манифестацию несвоевременным

²⁹ «Doctrines religieuses et philosophiques fondées sur le témoignage de la conscience» par Emile Hannotin. 1842, p. 120.

³⁰ Ibidem, p. V.

³¹ Ibidem, p. 112.

³² Ibidem, p. 113.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Isambert G. «Les idées socialistes en France de 1815 à 1848», p. 282. Paris. 1905.

упоминанием о нищете, не коснувшейся лиц, обладающих избирательным правом».

В своей непроизнесённой речи Аннотэн обвинял Июльскую монархию в том, что она ничего не сделала для трудящихся классов, борьбе которых на баррикадах она так обязана своим возникновением. Он требовал реформ в пользу рабочего класса и в первую очередь распространения на него избирательного права. «Иногда я слышу разговоры о том, что их (рабочих. — Н. З.) не касается политика. Я же утверждаю, что политика их касается. Разве они рабы, существа, которые ни во что не ценятся? Нет, господа, они люди, и они имеют права, торжество которых силой вещей неизбежно наступит»³⁶.

Аннотэн доказывал, что не жалобы и lamentации, произносимые дома, взаперти, и не «беспорядки», вызываемые отчаянием и гневом, а только политическая борьба и воздействие на общественное мнение способны обеспечить проведение реформ, улучшающих положение трудящихся масс. Эти реформы могут быть осуществлены путём парламентского законодательства, для чего необходима демократизация политического строя. «Будем же вести демократическую пропаганду; посредством неё мы добьёмся реформ, куда более важных, чем можно было бы это предположить. Так, разве не было бы легко уменьшить налоги, ложящиеся на малообеспеченные классы, переложив их на роскошь, богатство, на избыток?»

Речь Аннотэна была типичным образчиком реформистских и легалистских иллюзий мелкобуржуазного демократа и выдавала в её авторе последователя и сторонника политических идей партии «La Réforme».

Эти факты из биографии Аннотэна делают вероятным наше предположение о большом влиянии, какое оказал на его дальнейшее развитие Пекёр. Признание этого факта имело бы немаловажное значение для успешного изучения как биографии самого Пекёра, так и влияния его идей на современников. Исследователя, занимающегося изучением французского социализма 40-х годов, не удивит отсутствие у нас сведений о связях Аннотэна с Пекёром. Тот факт, что ещё недавно французские исследования, посвящённые этому выдающемуся французскому социалисту, можно было начинать с вопроса «Кто такой Пекёр?»³⁷,

³⁶ См. «La Réforme» 21 septembre 1847. Об этом эпизоде на банкете в Бар-ле-Дюке упоминает также Roger Lévy-Guénol в своей статье «Ледрю-Роллен и банкетная кампания» («La Révolution de 1848. T. XVII. 1920—1921»), где приведены выдержки из текста речи Аннотэна. Банкет в Бар-ле-Дюке состоялся не 14 сентября 1847 г., как полагает Roger Lévy-Guénol, а несколько раньше, так как 14 сентября «La Réforme» перепечатала из «Constitutionnel» текст тоста мэра города Бар-ле-Дюк, председательствовавшего на этом банкете.

³⁷ См. Antonelli E. «Constantin Pecquer», «Revue d'histoire économique et sociale». № 4. 1930, p. 482.

достаточно характеризует состояние изучения его идей и роли, какую они сыграли в умственном развитии своего отечества. В наших знаниях об этом, во многих отношениях наиболее глубоком и плодотворном, после Сен-Симона и Фурье, представителе французской утопической социалистической мысли, до сих пор сохранилось немало «белых пятен», создаваемых крайне скудными сведениями о деятельности Пекёра до революции 1848 г. и особенно после неё, когда Пекёр совершенно удалился в частную жизнь и в безвестности провёл остальную часть своих дней. В особенности же скудны наши сведения о «школе» Пекёра, о его сторонниках и последователях, о влиянии его идей в среде современников, об их дальнейшем развитии в годы революции, контрреволюции и бонапартистской диктатуры.

Если так обстоит дело с самим Пекёром, то нет ничего удивительного в том, что ещё меньше мы знаем о таких писателях, как Аннотэн, о том вкладе, какой вносили они в теоретическую систему взглядов и социальную программу коллективистского социализма и об их практической и пропагандистской деятельности в период революции 1848 года. То немногое, что мы знаем об Аннотэне, укладывается в несколько строк: после февральской революции он занимал одно время пост «советника префектуры» своего родного департамента³⁸; в период контрреволюции подвергся преследованиям реакции как социалист и демократ; после бонапартистского переворота был репрессирован, покинул журналистику и удалился в частную жизнь, написав несколько работ религиозно-философского характера, не затрагивавших непосредственно социальных проблем³⁹. Умер Аннотэн почти в одно время с Пекёром — в 1886 году.

³⁸ Аннотэн был выдвинут на этот пост комиссаром временного правительства департамента Мёз Виктором Леутр, бывшим директором газеты «La Réforme». В докладной записке министру внутренних дел от 1 апреля 1848 г. Леутр характеризовал Аннотэна и второго назначенного им советника префектуры, Граньера, как «патриотов, известных тем, что они были почти единственными в городе, кто поддерживал энергичным пером и своим достоинством дело демократии ещё до её победы». Леутр сообщал Ледрю-Роллену, что он вполне удовлетворён деятельностью Аннотэна и его коллеги и считает этот свой выбор «счастливым». См. докладные записки В. Леутра, опубликованные Пьером Брауном в «Le Révolution de 1848». Vol. VI, p. 392. 1909—1910.

³⁹ «Un progrès du christianisme». 1854; «La philosophie ancienne retrouvée ou Connais-toi, toi-même». 1863; «Les grandes questions», 1867; «Dix ans d'études philosophiques». 1872; «Essais sur l'homme». 1882; См. Catalogue général de la librairie française pendant 25 ans» par Otto Lorenz. Vol. II, p. 562. Paris. 1868; vol. V, p. 629. Paris 1876. vol. LX, p. 727, Paris. 1886.